

изображений, получаемых в камере-обскуре. Ему приписывали, — правда, без достаточных оснований — изобретение увеличительного стекла, воздушного насоса и пороха. Бэкон стоял головою выше всех своих современников. Его многочисленные труды по всем областям знания в сущности выходят за рамки схоластики и позволяют считать его наиболее ранним предшественником буржуазной науки Ренессанса. В то же время Бэкон был сыном своего времени. Он отдал дань увлечению своего века лженауками — астрологией, предсказывавшей судьбу человека по движению небесных светил; алхимией, занимавшейся поисками «философского камня» для превращения любых металлов в золото; кабалистикой — еврейским мистическим учением о сокровенном значении чисел.

Пример Бэкона показывает, что уже в конце XIII в. схоластика, как метод познания, изживает себя и перестает удовлетворять наиболее пытливые умы. На определенном этапе она сыграла положительную роль, изоцряя ум средневекового ученого, приучая его в школе формальной логики к тонкой и сложной мыслительной работе. Но сама по себе эта работа оказалась бесплодной. Схоластика ограничивала свою задачу толкованием и обоснованием уже данной истины. Она учила слепо преклоняться перед авторитетами, препятствуя тем развитию критических способностей и поискам самостоятельных путей в науке. Она изучала книгу и отказывалась изучать природу. Свое наивное представление о природе, свое бессилие понять ее явления схоластические ученые прикрывали символикой и мистикой или же тонкими логическими «дефинициями» и «дистинкциями». Все это придает их произведениям видимость необычайной глубины. Но эта глубина обманчива: она скрывает полное невежество. Церкви удалось продлить существование схоластики, превратив университеты в твердыни схоластического образования. Но уже в XIV в. схоластика сделалась мертвым грузом, тяготевшим над умами и, вместе с церковной догмой, задерживавшим прогрессивное движение науки. Поэтому новая наука, наука эпохи Возрождения, в результате упорной борьбы смела схоластику, равно как и породившее ее феодально-католическое мировоззрение.

§ 3

Трудящиеся массы. Крестьянство и его категории. Эксплуатация крестьян и их восстания. Бегство крепостных. Исчезновение серважа и развитие вилланства. Рост производительных сил в деревне. Новые культуры и специализация районов. Возникновение и развитие городов. Улучшение путей сообщения и техники сухопутного и водного транспорта. Организация торговли и кредита. Ломбарды. Евреи, их роль в сфере кредита. Еврейские погромы и еврейское гетто. Подъем ремесленной техники. Организация ремесла. Строение цехов и их историческое значение. Горное дело и металлургия. Коммунальные движения как предпосылка освобождения городов и их развития. Население города. Внешний вид города: укрепления, рыночная площадь, улицы, здания. Отсутствие канализации. Водоснабжение. Освещение. Антисанитарное состояние города. Учреждения общего пользования: трактиры, гостиницы, бани, парикмахерские, больницы. Быт горожан и городские моды. Влияние города на деревню.

Господствующему классу светских и духовных феодалов противостояла масса зависимого и крепостного крестьянства. В начале рассматриваемого периода крепостные (сервы) в большей части Европы решительно преобладали. В «Сатирической поэме Адальберона» (начало XI в.) автор с удовлетворением констатирует, что весь мир разделен на три класса людей: духовенство, которое молится, рыцарство, которое воюет, и крестьянство, которое кормит своим трудом и тех и других. При этом все крестьяне отнесены к категории сервов. Это, конечно, преувеличение. Помимо крепостных, существовали и зависимые крестьяне (вилланы), которые счита-

лись лично свободными и могли уйти от своего сеньера, отказавшись от своей земли и всего имущества. Но практически существенной разницы между вилланами и сервами не было. В Англии, после ее завоевания норманнами (1066), все закрепощенные крестьяне именовались вилланами, но по своему положению они ничем не отличались от сервов континента. Подлинно свободными являлись только феодалы. В официальных документах эпохи слова «свободный» и «рыцарь» являются синонимами. В первой половине XI в. даже население городов состояло главным образом из сервов.

Серв считался собственностью сеньера. Его продавали и покупали, причем он стоил почти втрое дешевле хорошего боевого коня. Беглый серв подвергался преследованию и, нередко, жестокому наказанию. Убийство серва вплоть до XV в. обычно сходило сеньерам безнаказанно. В 1250 г. Варфоломей Английский писал: «Серва, которого нельзя исправить словами, нужно исправлять ранениями». Сеньеры, независимо от этих поповских поучений, терроризировали своих крестьян, действуя сообразно аксиоме: «Если серв не боится, он бунтует». Действительно, только устрашением можно было заставить самостоятельно хозяйствующего крестьянина сносить иго феодальной эксплуатации, представлявшей не что иное, как систематический и организованный грабеж. Произвольно налагаемые повинности, оброки, поборы разоряли вконец крестьянское хозяйство. Это делалось на законном основании; ибо феодальное правило гласило: «сервы не владеют ничем, кроме своих желудков». К материальному гнету присоединялся гнет моральный. Во многих странах существовали так называемые «дурные обычаи», унижавшие в сервах человеческое достоинство. Наиболее гнусным из них было «право первой ночи». Это «право» предоставляло сеньеру обладание невестой серва, причем в сохранившихся документах делается иногда циничное добавление: «Если в результате этого родится ребенок, то за него серв не обязан платить сеньеру установленную подать».

Крестьяне отвечали на феодальные насилия восстаниями и бегством.

Крестьянские восстания тянутся непрерывной полосой почти через все средневековье. Крестьяне восстают в Нормандии в конце X в., в Бретани — в начале XI в., в Саксонии — в 1073—1075 гг., в славянских и литовских землях, колонизованных немецкими рыцарями, — в течение всего XII и XIII вв., снова в Нормандии — в 1250 г., на севере Италии — в 1305—1307 гг., во Фландрии — в 1323 г., в северной и центральной Франции — в 1358 г. (знаменитая Жакерия), в Англии — в 1381 г. (восстание Уота Тайлера), в Чехии — в начале XV в., в Германии — в конце XV и начале XVI в. вплоть до великой крестьянской войны 1525 г. Здесь перечислены только наиболее крупные восстания, охватившие обширные районы и даже целые страны. Количество же мелких мятежей, имевших местный характер, не поддается учету. Еще в XIII в. видный представитель церкви Яков де Витри предостерегал сеньеров: «Берегитесь навлечь на себя ненависть маленьких людей... отчаяние опасная вещь: бывает, что сервы убивают своих сеньеров и поджигают их замки».

Вместе с тем церковники прилагали все усилия к тому, чтобы предотвращать восстания, запугивая крестьян угрозами церковных проклятий и отлучений. «Сервы! — гремел с церковной кафедры Рауль ле-Вер, проповедник XII в., — будьте, по слову апостола, всегда покорны

Средневековые крестьяне.
Рис. из псалтыри XIII в.

господам. И пусть сервы не ссылаются в виде предлога на жестокость и жадность сеньеров. Оставайтесь покорными, сказал апостол, не только умеренным и добрым, но и злым. Церковные каноны предают анафеме тех, кто подстрекает сервов к неповиновению, к обманам, а тем более к открытому сопротивлению».

Однако ни кровавые расправы феодалов с восставшими, ни угрозы церкви не помогали. Еще труднее было феодалам бороться с массовым уходом крестьян, хотя они и заключали соглашения о взаимной выдаче беглецов. В результате бегства сервов многие феодальные хозяйства в XI—XIII вв. начинают испытывать острый недостаток в рабочих руках. Целые районы пустеют. Обработка земли остающимися крестьянами резко ухудшается. Голодные годы становятся обычным явлением. Во Франции между 970 и 1100 гг. 60 лет было голодных. Точно так же и Англия испытывает между 1086 и 1125 гг. ряд голодовок.

Куда бегут крестьяне? Их привлекают прежде всего запустевшие окраины, земли и леса, где они чувствуют себя в большей безопасности. В конце XI в. они потянулись с женами и детьми в «Святую землю», в так называемый «Крестовый поход», где многие тысячи их погибли. Но чаще всего они селились на королевских или церковных землях, где произвола было меньше и эксплуатация мягче благодаря льготам для переселенцев. В XII—XIII вв. сервы бегут охотнее всего в города.

Под давлением стихийных восстаний и бегства крестьян феодалы ряда стран Западной Европы были вынуждены изменить методы эксплуатации. С одной стороны, сеньер, испытывая недостаток в рабочих руках, сокращает площадь своей запашки, сдает крестьянам землю своего домена на условиях уплаты чиншей и оброков; с другой стороны, начинается освобождение крестьян за выкуп от сервильных повинностей; число сервов резко сокращается, за их счет возрастает число феодально зависимых крестьян — вилланов.

Этот процесс был ускорен развитием городского денежного хозяйства, оказавшего глубокое влияние на всю феодальную экономику.

Заметное улучшение материального и правового положения значительной части крестьянства в передовых странах средневековой Европы способствовало росту производительных сил, некоторому подъему сельскохозяйственной техники, созданию в деревне предпосылок для развития простого товарного хозяйства.

Прежде всего нужно отметить рост населения. В Германии, в районе Мозеля, население с 1000 по 1237 г., т. е. за 200 лет, более чем утроилось (с 80 до 250 тыс.), тогда как за последующие 600 лет оно увеличилось менее чем вдвое (до 450 тыс.). Франция к XIV в. увеличила свое население до 20—22 миллионов, — цифра, которая не была превзойдена до самого XVIII в.

Значительно возросло поголовье скота, особенно в связи с развитием луговодства и травосеяния. Больших успехов достигло овцеводство, обеспечившее сырьем сильно развившееся производство шерстяных тканей. Улучшилось удобрение, вследствие более широкого применения навоза и даже минеральных туков (мергеля, торфа). Становится более тща-

Сервы, обрабатывающие землю.
По миниатюре XII в.

Сборщик и давитьщик винограда.
Рис. из рукописи XIII в.

куда арабы внесли эти культуры непосредственно. В XII—XIII вв. намечаются и некоторые признаки специализации районов по определенным техническим культурам. Появляются районы, жившие главным образом виноградарством, разведением красящих растений, шелководством и т. п. Наконец, улучшилась и техника обработки продуктов земледелия. Была усовершенствована уже издавна известная водяная мельница, появляется с XII в. ветряная мельница, широкое применение получает виноградный пресс.

Возросшие в рамках феодального хозяйства производительные силы сделали неизбежным дальнейшее общественное разделение труда, а именно, отделение ремесла от сельского хозяйства и сосредоточение его в городах. С XI в. старые города, унаследованные от римской эпохи, начинают утрачивать свой аграрный характер; одновременно возникают многочисленные новые города, население которых, непрерывно пополняемое беглыми крепостными, занимается уже почти исключительно ремеслами и торговлей.

Вначале ремесленник сам закупал сырье и сам продавал на городском рынке продукты своего производства. До XII в. ремесленник и купец обозначались одним и тем же словом, так как обе профессии объединялись обычно в одном лице. Но постепенно торговля обособляется от ремесла, приобретая в некоторых, географически наиболее благоприятно расположенных центрах преобладающее значение. Появляются купцы-оптовики, организованные в гильдии и сосредоточивающие в своих руках крупные денежные средства. Развитие оптовой торговли особенно характерно для городов, которые не ограничивались установлением регулярного обмена с феодальными поместьями своего района, но служили пунктами транзитной и заморской торговли. С конца XI в. военно-

Телега X—XI вв.
Рис. из средневековой рукописи

тельной подготовка поля к посеву, в частности, начинается применение многократной вспашки. Повышению урожайности способствовало и распространение трехполья. Земледельческие орудия почти не изменились, но усовершенствование упряжи (с X—XI вв.) сделало более продуктивной тяговую силу упряжных животных (вола и коня). Нужно отметить также развитие огородничества, садоводства и особенно виноградарства. Благодаря установлению культурных связей с арабским Востоком в период Крестовых походов Европа познакомилась с рядом ранее неизвестных ей деревьев и растений: рис, гречиха, хлопок, лимоны и апельсины появляются на полях и в садах Италии, Южной Франции, не говоря уже об Испании,

авантюрные предприятия феодальной Европы, известные под названием «Крестовых походов», против мусульманского Востока, дали особенно мощный толчок развитию торговых связей во всем бассейне Средиземного моря. Значительно выросла экономическая роль городов (Барселона, Марсель, Венеция, Генуя, Амальфи, Пиза), которые и ранее поддерживали эти связи; выдвинулись и новые центры морской торговли.

Вместе с тем в течение XII—XIII вв. улучшаются пути сообщения, совершенствуется транспортная техника, делает заметные успехи организация торговли и кредита.

Города и крупные феодалы, заинтересованные в росте торговли, организуют дорожное и мостовое строительство, проводят каналы, ведут борьбу с феодальными разбойниками, нападающими на купеческие караваны. Прогресс в технике сухопутного транспорта обнаруживается в том, что благодаря применению железного обода и спиц облегчается вес колеса, а тем самым и всей телеги, упряжь приобретает современный вид; в качестве вьючного животного, наряду с лошадью, широко используется осел. Более существенным был прогресс в морском транспорте. Учителями Европы в области кораблестроения являлись арабы и скандинавы. Последние еще в IX в. известны как отважные мореходы, предпринимавшие на своих «морских драконах» («дрекар») торгово-разбойничьи экспедиции к бережьям Северного и Балтийского морей. Скандинавские суда с высокими бортами, ходившие на веслах и парусах, способные поднимать 200—300 человек, назывались в Византии «карабиа» — отсюда русское слово корабль. Но средиземноморские города XII—XIII вв. значительно превосходили эту технику. В Венеции, Генуе, Барселоне, Марселе появляются верфи, где строятся корабли (галеры, нефы, позднее галеоны и каравеллы) в 500—600 *t* вместимости, поднимающие свыше 1 тыс. человек. В начале XII в. совершенствуется руль; в XIII в. появляется компас, заимствованный у арабов (а последними у китайцев) и усовершенствованный сицилийскими моряками; в XIV в. каталонцы и итальянцы составляют первые морские карты. К тому же периоду относится появление маяков. Береговое право, побуждавшее феодала вызывать при помощи ложных огней кораблекрушение, чтобы завладеть на законном основании грузом корабля, теперь почти всюду ликвидируется. Складывается особое морское право, начало которому было положено сборниками «морских обычаев» Барселоны и Тортосы. Все это создает благоприятные условия для роста морской торговли и увеличения торгового флота. Одновременно создаются и значительные военно-морские силы. Генуя в 1293 г. имела военно-морской флот, состоявший из 200 больших кораблей с экипажем в 25 тыс. человек. Барселона, Марсель были почти так же сильны, а Венеция еще сильнее на море.

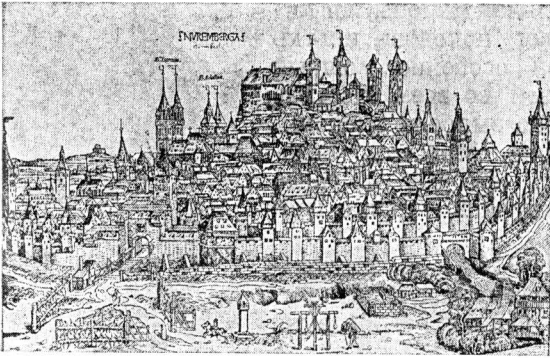
Интересы торговли, особенно с Востоком, вызывают к жизни описания путешествий европейских купцов и монахов. Из монахов-путешественников XIII в. известны Плано Карпини, посланный в 1245.—1247 гг. папой Иннокен-

Купец.
Рисунок из рукописи
XII в.

Виллан XV в.
Средневековая гравюра

Нюрнберг. Гравюра на дереве XV в.

Поло имел возможность хорошо познакомиться с бытом и нравами монголов и китайцев. Из его описания, составленного около 1298 г., европейские купцы могли познакомиться с высококультурными странами Дальнего Востока, богатства которого начинают все более дразнить их воображение, хотя на первых порах рассказы Марко Поло были встречены весьма недоверчиво. Несомненно, «Путешествия» венецианского купца, переведенные в XIV—XV вв. на многие европейские языки, сыграли известную роль в создании интереса к поискам морского пути в Индию и в другие дальневосточные страны.

Что касается организации торговли, то и здесь были найдены формы, удовлетворявшие в течение всего этого периода возросшим потребностям. Межгородская и международная торговля сосредоточивается на ярмарках. С конца XII и до середины XIV в. наибольшей известностью пользовались ярмарки Шампаньи. В четырех городах этого французского графства почти круглый год длился ярмарочный торг. Когда он заканчивался в одном из городов, то начинался в другом. Сюда свозились товары и съезжались купцы едва ли не всей Европы. Здесь же совершались и кредитные сделки.

Кредит в виде ростовщических операций был известен в Европе и

в предшествующую эпоху. Тогда этим делом занимались преимущественно евреи и — в более широких размерах — монастыри. Кредит шел преимущественно на потребительские цели и давался, ввиду очень большого риска, под огромные проценты (80% и выше). В XII в. евреи, уже ранее вытесненные из сферы торговли, утрачивают значение и в ростовщичестве. В качестве крупных ростовщиков начинают выступать тамплиеры (военно-монашеский орден, возникший в Палестине в период первого Крестового похода) и, особенно, итальянские купцы. Евреям была оставлена только область мелких ссудных сделок под залог вещей («ломбардные» сделки — от местности в Северной Италии, Ломбардии, купцы которой первые стали их широко практиковать). Короли и крупные феодалы, считавшие их своими рабами, а их имущество — своей собственностью, использовали евреев-ростовщиков как губку, которая медленно впитывала в себя мелкие денежные сум-

Постройка города.
Гравюра на дереве из
«Кёльнской хроники» 1499 г.

мы, чтобы затем быть сразу выжатой феодалом. Ненависть масс, вынужденных прибегать к услугам ростовщиков и при этом разорявшихся, феодалы направляли против евреев. Отсюда многочисленные еврейские погромы, совершенно неизвестные предшествующей эпохе.

В городах Италии, где рано развившаяся буржуазия стремилась избавиться от еврейской конкуренции, впервые начинают применять и принудительную изоляцию евреев в так называемом *гетто*. Расположенное обычно в самой нездоровой части города, где в невыразимой тесноте и грязи еврейская беднота влачила жалкое существование, еврейское гетто отгораживалось от остальных районов стеною или цепями. С наступлением темноты ведущие в гетто ворота запирались, опоздавшие евреи платили штраф либо подвергались телесным наказаниям. Создание принудительного гетто означало почти полное отстранение евреев от ремесленной деятельности и нормального участия в торговле, результатом чего явился быстрый рост еврейской нищеты. Для еврейских богачей гетто фактически не существовало, ибо они имели возможность покупать для себя различные изъятия и привилегии. В XIV—XV вв. принудительное гетто и ряд других ограничений для евреев распространяются по всей Германии, а в XVI в. — и в Польше.

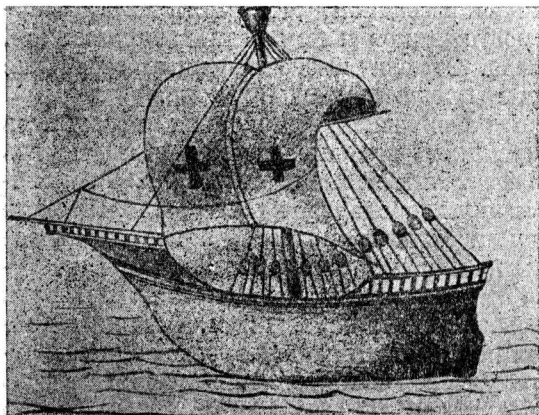
Однако вытеснение евреев из сферы ростовщичества и торговли несколько не улучшило положение масс. Итальянские и другие христианские ростовщики были к своим должникам гораздо безжалостнее, а их аппетиты значительно большими, чем у евреев.

В XIII в. итальянские купцы опутали сетями своих ростовщических операций почти всю Европу. Они опирались при этом на поддержку папства, финансовыми агентами которого они являлись. В Италии появились и первые банки, производившие вкладные и ссудные операции. К этому же времени относится и распространение векселей. Вначале это были простые заемные письма, которые писались на латинском языке и регистрировались у нотариуса. В XIV в. — это уже вексель современного типа, на национальном языке, с приказом заплатить занятую сумму любому третьему лицу.

Развитие торговли и кредита было возможно лишь на основе развитого ремесла. С XI в. наблюдается заметное преобразование ремесленной техники и создание в городах новых организационных форм производства. Под влиянием византийского и арабского ремесла качество продукции улучшается и ассортимент продуктов возрастает. Производство тонкого полотна, ковров, шелковых тканей и пр. было перенесено в Европу с Востока. Само ремесло, сохраняя в основном ручную технику, дифференцируется и усложняется. Так, например, ремесло оружейника распадается на ряд специальностей: производство шлемов, лат, щитов, клинков, рукояток мечей и т. д. Внутри одного только текстильного производства появляется до 25 специальностей (шерстомойщики, шерсточесы, шерстобиты, прядильщики, ткачи, аппретурщики, сукновалы, красильщики и пр.). В этой наиболее передовой области производства впервые применяются простейшие механизмы: с XII в. — прядка, сменившая древ-

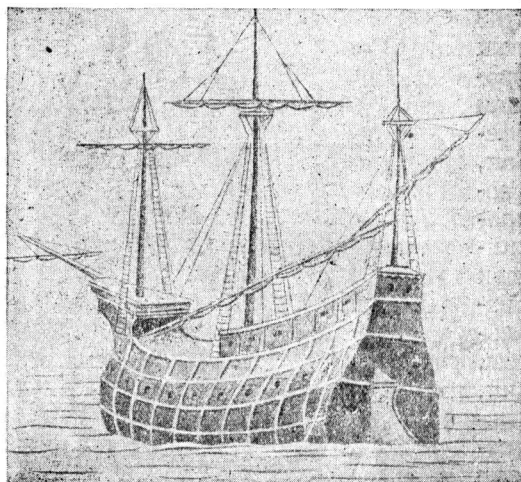

Гентский бюргер и его жена на молитве. Изображение на стекле в Гентской капелле XV в.

Купеческий корабль. XV в.

струментами, являлся самостоятельным мелким производителем-мастером. Позже у него появляются ученики и подмастерья, которые не только работают, но и живут с ним под одной кровлей, кормятся за его столом. После нескольких лет пребывания в учениках и подмастерьях ремесленник становится самостоятельным мастером. Лишь к XIV в. во многих специальностях начинают ограничивать число мастеров, и основная масса подмастерьев оказывается обреченной оставаться всю жизнь на положении подсобных ремесленных рабочих. Для получения звания мастера становится необходимым представление «образцовой работы» (*chef-d'oeuvre*, откуда наше «шедевр», немецкое *Meisterstück*), причем этот «шедевр» подмастерье должен выполнить из своих материалов. Помимо этого цех требовал от будущего мастера уплаты крупного взноса и организации пирушки для всех членов цеха. Наконец, во многих производствах количество мастерских было строго ограничено, и открытие новых прямо запрещалось уставом. Таким образом, подняться до положения самостоятельного мастера мог только наследник хозяина уже существующей мастерской — обычно его сын или зять. Полноправными членами цеха были только мастера. Они выбирали органы цехового

Военное судно. XV в.

нее веретено, и тогда же, вероятно, горизонтальный ткацкий станок; с XIII в. — сукновальная мельница; с XIV в. (в шелковом производстве) — крутильная мельница.

Однако рост специализации в средневековом городе приводил не к концентрации, а к дальнейшему раздроблению производства. Группа ремесленников одной специальности образовывала замкнутую корпорацию, так называемый *цех*. Внутри каждого цеха ремесленник, обладавший мастерской и ин-

струментами, являлся самостоятельным мелким производителем-мастером. Позже у него появляются ученики и подмастерья, которые не только работают, но и живут с ним под одной кровлей, кормятся за его столом. После нескольких лет пребывания в учениках и подмастерьях ремесленник становится самостоятельным мастером. Лишь к XIV в. во многих специальностях начинают ограничивать число мастеров, и основная масса подмастерьев оказывается обреченной оставаться всю жизнь на положении подсобных ремесленных рабочих. Для получения звания мастера становится необходимым представление «образцовой работы» (*chef-d'oeuvre*, откуда наше «шедевр», немецкое *Meisterstück*), причем этот «шедевр» подмастерье должен выполнить из своих материалов. Помимо этого цех требовал от будущего мастера уплаты крупного взноса и организации пирушки для всех членов цеха. Наконец, во многих производствах количество мастерских было строго ограничено, и открытие новых прямо запрещалось уставом. Таким образом, подняться до положения самостоятельного мастера мог только наследник хозяина уже существующей мастерской — обычно его сын или зять. Полноправными членами цеха были только мастера. Они выбирали органы цехового управления, публиковали цеховые статуты и следили за их выполнением. Объем производства каждой мастерской, качество и цена продукции — все это строго регламентировалось цехом.

Цеховая организация ремесла при своем возникновении способствовала развитию производства. Цех накапливал профессиональный опыт, помогал передаче этого опыта из поколения в поколение, обеспечивая относительно высокое качество продукции. Благодаря цехам городская промышленность быстро одержала верх над поместной (домениальной и монастырской)

промышленностью. Последняя уже в XII в. утрачивает свое значение и затем постепенно исчезает. Примерно с XIV в. цехи начинают уже становиться тормозом для дальнейшего развития производства. В ряде отраслей они сопротивляются применению механизмов, например, сукновальной мельницы. Но полностью их реакционный характер раскрывается только с XVI в.

Мелкое ремесленное производство в XI—XV вв. характерно не только для городской промышленности, но и для всей внегородской добывающей и обрабатывающей промышленности, в частности для горного дела и металлургии. Первые успехи горнорудной промышленности, после долгого периода упадка, могут быть отмечены в X—XI вв. Именно тогда начинается разработка железных рудников в Гарце (на границе Саксонии и Тюрингии) и восстанавливаются заброшенные римские рудники в Штирии. Вскоре в Германии, Англии, Бельгии, Франции были открыты новые месторождения железа и меди. В Чехии с XIII в. начинают добывать серебро и свинец, в Испании были открыты ртутные рудники Алмадена, в Италии — залежи квасцов и серы. Огромный рост дает добыча соли. Разработка серебряных рудников и золотых месторождений главным образом в Центральной Европе обеспечивает все возрастающую потребность в ценном металле, как орудии торгового обмена (в XIII в. ряд стран начинает чеканить золотую монету). Строительная деятельность в городах приводит к разработке многочисленных каменоломен, разбросанных почти по всей Европе.

Горные богатства всюду считались собственностью королей и императоров, но фактически владельцами рудников были феодалы, монастыри и города, от себя сдававшие их в аренду мелким производителям-рудодобывателям. Добывание руды велось хищнически, нерационально: разрабатывались только наиболее богатые содержанием металла руды, да и то главным образом близко к поверхности. Примитивная техника откачивания воды и вентиляции затрудняла использование глубоких шахт. Достаточно примитивным был на протяжении всего периода и металлургический процесс, несмотря на ряд усовершенствований в конструкции плавильных печей (замена низких шахтных печей штокофенами, дававшими крицу). Горнорудная промышленность, более чем какая-либо иная, требует для своего развития вложения крупных капиталов. Поэтому только в XV—XVI вв., когда такие капиталы создаются, в этой отрасли намечаются дальнейшие сдвиги. Тем не менее, как в отношении объема производства, так и в отношении техники, и здесь были значительно пре-
взойдены достижения античного мира.

В общем подъеме материальной культуры, которым характеризуется период XI—XIV вв., наиболее значительную роль сыграли города. Необходимой предпосылкой их экономического расцвета было освобождение городского населения от гнета феодальной эксплуатации. Борьбу за это освобождение многие города начинают еще со второй половины XI в., однако наибольшего подъема она достигает в XII в. Борьба городов с феодалами, которая шла параллельно, а нередко

Еврей, встречающие императора.
Рис. из рукописи XV в.

Парикмахерская.
Гравюра на дереве XVI в.

Для защиты своих политических интересов в феодальном мире города иногда объединялись в союзы, или лиги. Такова Ломбардская лига североитальянских городов, которая в XII в. вела борьбу с императорами и добилась полной самостоятельности; таковы Рейнский и Швабский союзы немецких городов, объединившиеся против своеволия мелких и крупных феодалов. Если союз городов преследовал в первую очередь экономические цели, то он обычно назывался *ганзой*. Известны: Лондонская ганза фландрских городов, созданная для закупки и распределения английской шерсти; Ганза 17-ти городов, куда входило фактически свыше 50 фландрских и северофранцузских центров шерстяной промышленности; Немецкая ганза, объединявшая около 80 городов Северной Германии для защиты общих торговых интересов во всей Европе. Немецкая ганза, с центром в Любеке, превратилась с конца XIV в. в крупную политическую и экономическую силу. Она имела складочные места и конторы в Лондоне, Новгороде, Висби, где она добилась многочисленных привилегий и, после успешной войны с Данией, монопольно завладела торговыми путями Балтийского и Северного морей.

Первоначальным ядром некоторых городов являлся замок или укрепленный монастырь. Но любой город, хотя бы возникший из деревни, до самого конца средневековья представлял собою не только центр торгово-промышленной жизни своего района, но и крепость — *бург*. Отсюда название горожан «бюргеры», «буржуа», — термин, который позже стал применяться для обозначения целого класса нефеодальных собственников как в городе, так и в деревне. Но в XIII—XIV вв. далеко не все жители города являются полноправными бюргерами. Среди горожан выделяется прослойка наиболее богатых купцов и сросшихся с ними мелких феодалов, так называемый *патрициат*, захватывающий всю власть в свои руки. В число полноправных бюргеров входили также цеховые мастера и торговцы, которым, в результате упорной борьбы с патрициатом, удалось в ряде городов добиться участия в управлении. Наиболее же многочисленная категория — цеховые и внецеховые рабочие, городская беднота, словом, вся, так называемая, плебейская масса — осталась совершенно бесправной и жестоко эксплуатируемой городскими законами и цеховой аристократией.

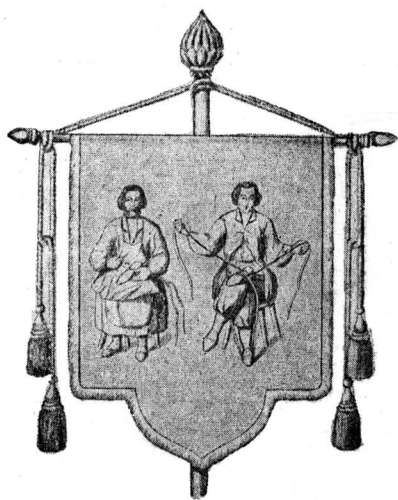
¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 49.

Средневековые города были незначительны по размерам. Несмотря на обилие городов, общая численность горожан составляла в Европе до XVI в. не более 10% всей массы населения. Такие города, как Страсбург, Базель, Франкфурт, имевшие по 15 тыс. жителей, считались крупными. Преобладающим типом являлся город с 5—10 тыс. населения. Париж, Лондон, Флоренция с их 100—150 тыс. жителей представляли редкие исключения.

Каждый город, независимо от его величины, был обнесен стеною, имел ворота, укрепленные башнями, нередко и другие защитные сооружения. В центре его находилась рыночная площадь, от которой радиусами расходились улицы, соединявшиеся узенькими кривыми переулками. В городах староримского происхождения преобладала прямоугольная планировка, при которой центральная площадь образовывалась двумя главными взаимно-перпендикулярными улицами, делившими весь город на четыре «квартала», или «четверти». Рыночная площадь была заставлена ларьками, где ремесленники и купцы раскладывали свои товары; в XIII в. на ней обычно уже возвышается каменное здание *ратуши* (городского управления). Другими выдающимися каменными строениями, разбросанными по всему городу, были многочисленные церкви.

Средневековому городу были неизвестны широкие прямые улицы с мостовыми, тротуарами и водостоками, которые имелись в античных городах. Улица была узкой и темной, так как сильно выступавшие вперед верхние этажи домов оставляли мало места для света и воздуха. Она была изрыта канавами и ухабами, а в дождь превращалась в болото, через которое пешеход рисковал пробираться только на ходулях или через переброшенные кое-где мостки. Канализация полностью отсутствовала, и все нечистоты выливались и выбрасывались прямо на улицу. Из сточной клоаки, какою являлась городская улица, поднимались такие запахи, что даже привычное обоняние французского короля Филиппа II Августа однажды не выдержало. В одно утро 1185 г., — рассказывает его придворный врач, — король распахнул окно своего парижского дворца; в это время проезжавшая телега взрыла залежи грязи, и Филипп II от вони упал без чувств. После этого случая парижским буржуа было предписано вымостить улицы вблизи дворца и некоторые перекрестки. Это была, повидимому, первая городская мостовая в Европе, вскоре, однако, пришедшая в упадок, так как поддерживали ее плохо. Систематическое замощение городов начинается лишь с середины XIII в. в некоторых богатых итальянских городах. Прага получила мостовую только в 1331 г., Берн в 1399 г., Аугсбург в 1416 г. Но до конца средневековья городов с мощеными улицами было мало. Еще в 1485 г. император Фридрих III, проезжая по улице Рейтлингена, едва не утонул вместе с своей лошадью в нечистотах.

В невыразимой грязи городских улиц хорошо себя зато чувствовали многочисленные утки, гуси и особенно свиньи, которые имелись у каждого бюргера. В Париже королевская власть долго и безуспешно боролась с обычаем горожан выгонять на улицу всю свою домашнюю живность. В 1358 г., во время свирепой чумной эпидемии, король Иоанн II издал распоряжение убивать всякую свинью,

Знамя цеха сапожников

Врач.
Рис. из рукописи
конца XIII в.

которая попадет на улице, причем «убийца» имел право на свиную голову, а тушу получали больницы. Это распоряжение так же плохо выполнялось, как и приказ собственникам домов очищать от зловонной грязи улицы. Только в XVI в. начали вывозить нечистоты и, несколько ранее, отводить в реку Сену канавами сточные воды. Однако открытая канализация продолжала отравлять воздух Парижа вплоть до XVIII в. Сточная канава проходила по середине улицы, и прохожий поэтому жался по вечерам к стенам домов, подвергая себя риску получить на голову содержимое ночного сосуда.

При Франциске I, в первой половине XVI в., издавались неоднократно предписания устраивать во дворах выгребные ямы, а в домах уборные. Но этих удобств были долго еще лишены даже дворцы аристократии и самого короля. Роль уборных здесь играли лестницы, всякие закоулки, а чаще всего каминь. Не чище были даже в XVII в. Лондон, Мадрид, Берлин. В 1671 г. был издан приказ, чтобы каждый крестьянин, привозящий в Берлин на продажу свои продукты, наполнял свою телегу нечистотами и вывозил за город. Неудивительно, что средневековый город являлся очагом постоянных эпидемий, пожиравших среди его скученного населения обильную жатву. Смертность в городах была огромна, особенно среди детей, и рост численности населения (впрочем, очень медленный) происходил главным образом за счет притока из деревни.

Город был плохо снабжен и питьевой водой. До XVIII в., когда начинают применять фильтры, вода бывала обычно грязной или зараженной. Водопроводы появляются в городах Италии с конца XII и в XIII в., в других странах Европы лишь с XIV—XV вв. Но вода шла не в дома, а в общественные фонтаны и цистерны, где она легко подвергалась загрязнению.

Даже самые крупные города до конца XVII в. были лишены уличного освещения. С наступлением темноты городские ворота запирались, улицы перегораживались цепями, движение полностью прекращалось. Случайному ночному пешеходу приходилось освещать себе самому путь фонарем или факелом.

Таким образом, в отношении благоустройства город в течение большей части средневековья мало отличался от деревни, а крайняя скученность населения на небольшом пространстве превращала его, как уже указы-

валось выше, в постоянный очаг заразных болезней. В случае вспышки эпидемии городская знать и богачи нередко бежали из города в свои загородные усадьбы или виллы, как об этом рассказывает в XIV в. Боккаччо в своем знаменитом «Декамероне».

Вместе с тем та же скученность населения, при большом разнообразии профессий и занятий, вызывала к жизни новые, неизвестные в деревне, потребности. В городах очень рано появляются,

Сожжение евреев в Кёльне.
Гравюра на дереве XV в.

и притом в большом количестве, кабаки и трактиры, где не только пили, но и развлекались: играли в кости и карты, пели и танцевали. Игральные карты, заимствованные у арабов, через Италию и Испанию распространились в XIV в. по всей Европе, и в том же столетии некоторые города обзавелись специальными игорными домами, где богатые бюргеры иногда проигрывали в карты значительные суммы денег. В городах с XII в. появляются и первые гостиницы, ранее существовавшие только при монастырях. Особенной чистотой эти гостиницы не отличались. Частные письма XV—XVI вв. полны жалоб на обилие в них клопов и прочих насекомых. Рыцарь, приезжая в город и останавливаясь в гостинице, вывешивал на ее воротах свой щит. Таким образом, можно было, не заходя внутрь, определить сразу, кто из «благородного сословия» здесь в данный момент проживает. В городах появляются в XII—XIII вв. и первые общественные бани, с которыми крестоносцы познакомились на Востоке. В XIII в. существовало в Париже и многих других городах уже значительное количество бань для всего населения. В «Парижской книге ремёсел» 1250 г. упоминается и специальный цех банщиков. Рано утром банщики обегали улицы своего района с возгласами: «Бани! Горячие бани готовы!» В баню ходили и вечером, иногда оставаясь в них на всю ночь. Бани пользовались скверной репутацией, нередко являясь одновременно и публичными домами. На этом основании церковные проповедники вели с банями постоянную войну, причем кое-где довольно успешно. Немало бань было закрыто, и посещение бань людьми из «хорошего общества» рассматривается в XVI в. уже как нечто предосудительное. Вряд ли от этого выиграла нравственность, но гигиена определенно пострадала.

Еще раньше бань в городах появляются парикмахерские, где клиенту, в зависимости от моды данной эпохи, брили либо подстригали бороду, а также выдергивали, по восточному обычаю, волосы на теле. Обычно парикмахер (цырюльник) был по совместительству и хирургом: он «пускал кровь» и производил даже более сложные операции.

Наконец, в городах возникают многочисленные больницы, которые обычно ставились под покровительство какого-нибудь «святого», чаще всего — «святого Лазаря», откуда название больницы — лазарет. Больницы, как мы видели, создаются впервые при монастырях, но именно в городах, где болезни были частым явлением, различные виды лечебной помощи получают наиболее широкое распространение. С XII в., наряду с врачами-монахами, а затем быстро вытесняя их, появляются светские врачи. Особенно славились в средние века своей опытностью и знанием врачи-евреи, которых мы нередко встречаем поэтому в качестве лейб-медиков государей и даже самих пап. Это, впрочем, не мешало церкви вести с еврейскими врачами упорную борьбу. Наиболее ученые врачи выходили из Салернской медицинской школы, основанной еще в XI в., если не ранее. К XII в. относится и первый закон о врачебной практике — постановление сицилийского короля

Буржуазная молодежь на ярмарочной площади перед балаганом. Миниатюра XIII в.

Рожера, которым воспрещается врачам лечить без специального на то разрешения властей.

Развитие городов, создание специфически городской культуры приводит к значительным изменениям в общественных нравах. В городах скопляются пришлые элементы из разных стран и областей; их взаимодействие порождает новые явления в быту. Через города проходят или в них скопляются привозные товары самого разнообразного назначения; они порождают новые потребности. Среди богатой верхушки бюргерства развиваются такие привычки к роскоши, которые прежде были неизвестны даже крупным феодалам. С XIV в. начинается длинный ряд постановлений городских властей, запрещающих женщинам навешивать на себя слишком много драгоценностей, носить вытканые золотом платья и т. п., а богатым бюргерам — устраивать слишком роскошные пиры. Несомненно, «отцы города» видели опасность в том, что богатства слишком выставляются напоказ, в то время как плебейская масса живет в постоянной нужде, а значительная часть ее находилась на грани нищеты.

Феодалы начали тянуться за богатыми бюргерами, подражая им в образе жизни. Город становится законодателем мод. Моды утрачивают свою феодальную устойчивость и косность: в городах они сменяются все более быстро. Именно здесь развивается с XIII в. широкое применение косметики, завезенной с Востока. Женщины начинают красить щеки, употреблять губную помаду, духи, зубной порошок. Городские щеголи и щеголихи вводят в употребление платье самых пестрых цветов, обувь с длиннейшими носами, иногда превосходящими длину ступни, самые разнообразные по форме головные уборы, наконец, нижнее белье из тонкого полотна. Правда, нижнее белье долго еще является предметом большой роскоши. В 1299 г. один парижский буржуа, умирая, оставил среди прочего имущества одну единственную рубаху. Нужно заметить, что даже самые богатые обладатели этой принадлежности туалета надевали ее только днем. До XVII—XVIII вв. в постель ложились спать совершенно нагими. Из различных видов полотняного белья позже всего появляется носовой платок (в XV—XVI вв.).

Наиболее заметен рост материальной культуры в организации домашнего комфорта. Частные дома в городе еще деревянные, вследствие чего пожары были обычным явлением, но эти дома уже прорезаны широкими окнами и с XIV в. отапливаются кафельными печами. Меблировка комнат богатого бюргера не только не уступает, но чаще всего превосходит меблировку феодального замка. Именно в городе, где раньше научились ценить время, где складывается поговорка «время — деньги», появляются с XIV в. часы — сначала на башне городской ратуши, затем, в виде стенных часов, в доме буржуа. Стулья, кресла, столы и прочая мебель покрываются узорами и приобретают самые разнообразные формы. С XV в. появляются стенные зеркала, в то время как предшествующие столетия знали только маленькие ручные зеркала. Кухонная и прочая домашняя утварь умножается в числе и служит все более разнообразным потребностям.

Из города все эти мелочи домашнего обихода вместе с модной одеждой, ярко окрашенными и пестрыми тканями, бельем, обувью, мебелью и пр. проникают в феодальный замок и даже в деревню. Город сыграл крупнейшую роль в том общем подъеме материальной культуры, которым характеризуется историческое развитие от XI к XV в. Не менее велико его значение в зарождении светского мировоззрения и духовной культуры, которая, по мере приближения к эпохе Возрождения, все более приобретает чисто буржуазный и антифеодальный характер.